

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Елена СЕВРЮГИНА

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

Владислав Китик. Светлое время дня: Стихотворения. Одесса: Астропринт, 2022. — 152 с.

Уроженец Одессы поэт Владислав Китик наделен особым взглядом на мир — мысль его зачастую обращена к проблемам общечеловеческого масштаба. Тем не менее и сиюминутное он не обходит стороной: *«Меня пугает участь мотылька, / Но мне сиюминутное дороже»*. При этом поэт не отождествляет текущий момент жизни с чем-то временно актуальным — ему гораздо важнее увидеть в краткосрочном нечто неизменное, регулярно повторяемое в природе и лишённое социальных привязок: *«прозрачность крыл над свежим лепестком»*, бабочек-однодневок, которые *«омолаживают вечность»*. Примирить эти величины, отказаться от преходящего, наносного ради того, что остается важным в любые времена и эпохи, — вот в чем поэт видит свою основную задачу:

Найти ли этот звонкий стык?
Поймать ли ветер вездесущий?
Вернуть неповторимый миг,
Который был тобой упущен?..

Первое стихотворение книги начинается со строк о грядущем: *«С чего бы? И все ж не устану всегда просыпаться в грядущем...»* Однако главным инструментарием, с помощью которого Владислав Китик выстраивает свой созерцательный взгляд на мир, становится прошлое. Для него воспоминания — источник вечных образов-констант, противопоставленных текущим остросоциальным проблемам.

Подобные образы, заставляющие автора постоянно обращаться к воспоминаниям детства и юности, обретают цвет и плоть, движение и звук, наделяются особым смыслом, становятся универсальными, принадлежа особой системе координат, где всеечно и неизменно. Важное место в этом художественном пространстве принадлежит старой Одессе. Для Китика это город его детства — здесь все остается не тронутым временем. Башни и мосты, одесские дворы, которые *«то молчаливы, то сварливы, но — добры»*, дома и подъезды, акации — все это реанимировано авторским воображением, и читатель окунается в атмосферу далеких лет, слушает гул базаров и площадей, в которых ощущаются неповторимые, присущие только этому городу обаяние и шарм. Сами поэтические строки словно пропитаны особым акцентом — в них слышится прищипанный говор, унаследованный от коренных одесситов:

Елена Вячеславовна Севрюгина родилась в Туле в 1977 году. Кандидат филологических наук, доцент. Член клуба Центрального Дома литераторов в Москве, постоянная ведущая литературных гостиных в Малом зале ЦДЛ. Автор публикаций в областной и российской периодике, в том числе в журналах «Дружба народов», «Нева», «Prosodia», «Знамя», «Урал», «Homo Legens», «Дети Ра», «Москва», «Молодая гвардия», «Южное сияние», «Тропы», «Идель», «Графит», «Гостиная», «Кольцо А» и др. Живет в Москве.

Послушай город, словно отчий зов,
Крадущуюся поступь сквозняков
В его подъездах, сочное аргó
Базаров, криминальное тангó
Листвы, впитавшей горечь октябрéй
И горловое пенье сизарей.

Апофеозом симфонии становится звук трамвайчика — того самого, который, связывая незримой нитью прошлое и настоящее, не устает звенеть на улицах и мостовых «Трамвайчика-2» Веры Зубаревой, поэта и землячки Владислава Китика. И мы понимаем, что нет на свете такой силы, которая могла бы остановить его движение — он будет неуклонно двигаться по одному и тому же маршруту, всегда останавливаясь на одних и тех же станциях.

Первая любовь и первая дружба, первая боль и первая большая радость, первое столкновение с неизбежным — все это образы-константы, связанные со значимыми этапами духовного взросления человека. Их Владислав Китик тоже забирает с собой из мира детства и юности. Одновременно это и главные лейтмотивы книги. Подобные темы затрагивали буквально все классики русской и зарубежной литературы. Китик, наследуя их традиции (как, впрочем, и традиции Золотого века), все же находит свою неповторимую интонацию, отличающую его от великих предшественников. Щемлящая ностальгическая нотка растворяется в гармонии поэтического текста, организованного повторами и созвучиями:

И в холода не нужно огорчаться.
Погашен свет, уснули домочадцы,
Разлегся на полу уютный кот,
Как снег, спустясь неслышно с табурета.
Берет сомненье, что пройдет и это,
Хоть несомненно то, что жизнь пройдет.

Отдельно хочется сказать и о композиции книги. В заголовках разделов прослеживается путь авторской мысли: от печали по утраченному до состояния духовного катарсиса, связанного с осознанием того факта, что подлинно ценное утратить невозможно — оно навсегда остается с человеком. «Вернуть неповторимый миг», «Сквозь межреберье стен и лет», «Лучшее сбывается сейчас», «Свет очистительной печали», «С мыслью о воскресеньи» — каждый новый шаг как будто приподнимает автора над землей, вселяет в него надежду, что жизнь прожита не зря. И не стоит тосковать о прошлом, потому что его нет — есть только настоящее вневременное, единственно возможное место нашего пребывания:

Знаешь, дружище, а прошлого нет.
Только один ты здесь множество лет,
С пирса спустив свои ноги босые,
Ловишь ставриду коту на обед.

Грамматически такое состояние подчеркивается употреблением глаголов в переносном значении — о том, что когда-то было пережито, Китик говорит так, как будто испытывает аналогичные ощущения в текущий момент речи. Вот как, например, описаны в книге курсантские годы поэта:

Барахолка. Время осеннее.
С ветром трудно сыграть вничью.
Тельник свой за сборник Есенина
Я снимаю и отдаю.

В этом и заключается универсализм художественной мысли автора. Где бы ни был его лирический герой, он всегда пребывает дома, он близок к своим истокам и независим от неумолимого времени, потому что все подлинно ценное не имеет срока давности. Сравнивая себя прошлого и нынешнего, автор понимает, что фактически ничего не изменилось, как будто и не существовало прожитых лет:

Что тот школяр, что выросший двойник!..
Опять, усвоив правила нечетко,
На подпись, будто вечный ученик,
Несу свою досадную зачетку.

И все же детство и юность, как главные судьи и хранители внутреннего света души, сопровождают лирического героя Китика на протяжении всей жизни. Перед ними он держит отчет о ценности своего пребывания на земле, перед ними же произносит свою главную человеческую исповедь, в которой — самые сокровенные чувства, мысли, чаяния. И все потому, что в современном мире почти не осталось места для созидания — оно убывает по мере того, как текущие, временные смыслы, обретая актуальность, убивают смыслы вечные. Иной раз эти откровения кажутся тривиальными сетованиями по поводу того, что мир не совершенствуется и некому ныне «глаголом жечь сердца людей»:

Почтовые ящики нам заменил интернет.
Ужаслся словарь, и почти не осталось газет,
Разбросаны камни, и для созиданья камней
Почти не осталось. Как тени в театре теней,
Слова потеряли значение, отбились от строк,
Отправились по миру, сделали сыпью дорог.
А жгучесть глагола, питавшего, как молоко,
Забывалась легко. Но о ней вспоминать нелегко.

Вроде бы и сетования... если бы не одно «но» — то важное «но», в котором — ключ к разгадке художественного метода Владислава Китика. В его поэтическом мире на теневой, неяркой стороне оказалось настоящее. Оно кажется тусклым и серым, как черно-белые кадры кинофильма, но на этом непривлекательном фоне сильнее слышен голос издали. Тот голос, на зов которого автор неуклонно идет много лет, и каждый раз идет по правильному маршруту. А что же является конечным пунктом назначения? Все то, что принадлежит «светлому времени дня», который заменяет собой все время — одновременно и в котором всегда будут живы и великие строки Пушкина, и несгораемые рукописи «Мертвых душ», и самые важные воспоминания каждого из нас.

Оконца хат утомлены
Почтовой далью расстоянья.
Там, за туманною Савранью,
Коней саврасых табуны.

Там время дремлет на цепи,
Живет непуганое слово.
Там счастья круглая подкова
Мерцает в мареве степи.